

УТКИР ХАШИМОВ

РАССКАЗЫ

ПОСЛЕДНИЕ ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ

Шоикрам сидел у сандала и хмурился. Уже наступила весна, заметно потеплело, а сандал еще не убрали. Никому в голову не пришла эта простая мысль.

Лоскутная скатерть с застывшими пятнами от патоки, постеленная поверх бязевой курпачи, большая глиняная чашка, деревянная ложка с обгорелой ручкой — все выглядело неприглядным и унылым. Шоикрам вздохнул и улегся рядом с сандалом.

Было поздно. Изредка, нарушая тишину, где-то подвывала собака. Лампочка, подвешенная на длинном гвозде к подпоре айвана, светила тускло. Мошкара металась вокруг этой грязной лампочки. На грядках огорода почти ровными линиями поблескивала вода. Если внимательно присмотреться, можно увидеть, как из-под листвы выдвигаются крупные ягоды клубники. Она набирает соки, словно торопится созреть на радость хозяину. Ранняя клубника...

Ветер раскачивал ветви орешины. Она глухо шелестела молодой листвой. Взгляд Шоикрама снова упал на глиняную чашку, на обгорелую ручку ложки. Он даже сморщился от раздражения.

"Лучше провалиться сквозь землю, чем быть такой жадной!.. — подумал он со злостью о жене. — С рождения была скупой, а в трудное время совсем свихнулась..."

В доме заплакал ребенок. Послышался скрип зыбки — бешика. Ребенок, словно ожидал этого, заплакал еще громче. Его крик подхватил другой.

— Да успокойшь ты их!.. — приподнявшись, крикнул

Шоикрам.

Жена стала покачивать колыбель.

— Сущие бесенята, а не дети... — будто оправдываясь, прошептала она.

Шоикрам усмехнулся. Недаром говорят в народе: посеет бедняк, у него не растет, а детям давно-давно потерял счет...

Шоикрама на фронт не взяли — то ли на комбинате не хватало монтеров, то ли он зарекомендовал себя незаменимым. За эти годы у Шоикрама родились три дочери. Богатство. Черная тень войны, слава богу, обошла дом. На что ему еще жаловаться, на детский плач грешно сетовать.

В глубине двора скрипнула калитка. Шоикрам, щурясь от света, приложив козырьком ладонь к глазам, посмотрел в темноту.

После его свадьбы родительский двор был разделен на две части низеньким глиняным забором, на этом настояла Хадича. "Будем одни... Не будем мешать брату". А матушка Хумри все поняла по-своему. Если уж разделились, то и обедать надо готовить отдельно, вот она и жила с младшим сыном Шанигматом на той, второй, половине двора.

Одетая в безрукавку поверх полинявшего ситцевого платья, матушка Хумри как тень скользнула по двору.

— Ты уже спал? — спросила она сына.

— Разве не слышите?.. — проворчал Шоикрам. — Ребенок надрывается... Устанешь, как собака, а здесь...

— На то и ребенок, чтоб плакать... — спокойно заметила мать. — А ты лежи, сынок, спи...

Она прошла в дом. Вместе с Хадичой каким-то только ей известным способом быстро успокоила детей. Хадича появилась с чайником, пиалой, с кукурузной лепешкой.

— Вот только чай остыл... — оправдываясь, сказала она. Разломив лепешку, Хадича пригласила матушку Хумри:

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Матушка Хумри устроилась у изголовья Шоикрама.

— Садись сама, — сказала она и протянула руку к дастархану.

Шоикрам заметил, как набухли вены на ее руках, а кожа на пальцах потрескалась, огрубела. За долгие месяцы он заметил это впервые.

— У тебя ничего не осталось поесть? — спросил Шоикрам жену.

У Хадичи вытянулось лицо.

— Нет... ничего не осталось.

Он понял, что Хадича говорит неправду. Мать подбирала крошки на дастархане.

— Не надо ничего, сынок. Я просто зашла... Не могла заснуть. Лежала, лежала...

Она отправила крошки в рот, пожевала. И, будто разговаривая сама с собой, продолжила.

— В четверг ходила к табибу (Табиб — народный лекарь, знахарь) ... Он сказал, если больной каждый день будет пить овечье молоко, то поправится. По одной чашке.

— Где сейчас достанешь овечье молоко, — вздохнула Хадича.

— Даже коровьего не достанешь, матушка... А ведь к этому времени наша бы отелилась...

Шоикрам уже не слушал жену. Непонятная злость захлестнула его. Он невольно сжал кулаки. "Попались бы эти негодяи..." Потом подумал о брате. Наверное, в последний раз дней девять назад Шоикрам заходил к нему. Совсем тот исхудал. Кожа да кости остались. "Он скоро погаснет... — подумал Шоикрам. — Все равно погаснет".

— Как его здоровье? — все же спросил он.

— Слава аллаху. Недавно заснул... — сказала мать.

— Я завтра утром зайду... — извиняющимся тоном проговорил Шоикрам.

Мать все поняла.

— Он на тебя и не обижается, разве он не знает, что ты рано утром убегаешь на работу. Знает, что возвращаешься ночью... — И неожиданно добавила: — Ну я пойду ...

Шоикрам не мог заснуть. Он не знал, на ком сорвать зло

— Будь проклята жизнь!.. — резко заговорил он. — Будь проклята ты, растяпа! — Из-под носа увели корову...

— Что вы на меня кричите? — сморщилась Хадича. Не хватало, чтобы и она расплакалась.

— Вас не было. Я с тремя крошками сидела... Что я могу сделать?

Шоикрам промолчал. Но поистине, стоит тронуть воду, как муть пойдет кверху. Он не мог справиться с собой, ругал вслух негодяев, которые увели корову, ругал растяпу-жену, которая не смогла уследить за коровой.

"Да, сейчас бы корова отелилась. Можно было бы чашку молока дать больному брату. Попались бы эти воры." — думал Шоикрам. "Попались бы..." — сжимал кулаки Шоикрам.

— Опять они зашевелились — продолжала оправдываться жена. — Вон у кузнеца Ильхома... И к нам. Вон за клубникой...

— Не надо паники! Ребятишки, наверное. Полезут воры за клубникой!

— А почему бы нет... — рассудительно заявила жена. — На пригоршню клубники можно сменять чашку кукурузной муки. Пошли бы посмотрели... От дувала (забора) отвалилась целая глыба, кто-то лазает через него.

— Брось городить чепуху... — пробормотал Шоикрам. Но непонятное чувство, до сих пор незнакомое ему, вдруг овладело Шоикрамом. Казалось, какая-то дрожь прошла по телу, внутри все похолодело только от одной мысли, что кто-то тянет руки к его клубнике. Он решительно поднялся, надел тубетейку и пошел на огород.

"За пригоршню клубники дают чашку кукурузной муки... — размышлял Шоикрам. — Хадича права. Сейчас клубника редкость... И конечно, это не дети. Свою старшую дочь Хадича близко не подпустит... Чужие не решатся. Клубника — редкость. За нее можно получить что угодно. Хадича права".

Шоикрам не хотел так много думать о клубнике. Хотелось

махнуть на все рукой и вернуться на айван. Нужно спать. Завтра опять рано вставать.

Но страшная сила тянула его на огород. Это незнакомое дотоле чувство. Оно подталкивало его пересчитать ягоды. И сегодня, и завтра, и послезавтра.

Он проклинал себя, а пальцы тянулись к листьям, приподнимали их. Шоикрам должен убедиться, что все ягоды на месте. Дувал действительно надо починить. И еще... Страшная мысль пришла в голову. От нее даже пот выступил на лбу. Шоикрам взялся рукой за дерево. Нет... Так сразу решать нельзя. Нужно подумать. Но это уже не он, не Шоикрам, а другой человек рванулся к летней кухне. Там на гвозде висели два витка провода. Еще перед войной он принес их домой. Они очень были нужны, эти витки. Какая свадьба без яркого света? А во дворе Шоикрам постарался устроить праздничную иллюминацию.

"Я вам покажу, как воровать!.. — твердил сейчас Шоикрам. — Я вам покажу!.." Он ловко и быстро работал, прикрепляя к изолированной проволоке оголенную. "Я вам покажу!.." Он тянул провод от террасы по веткам деревьев к огороду. "Я вам покажу!.."

Шоикрам работал почти на ощупь. Свет от тусклой лампочки отражался только в полосках воды. Оголенная проволока ложилась змеиными кольцами в грядки с клубникой. Он, осматривая свою работу, то и дело стирал пот с лица и твердил: "Я вам покажу!.."

Еще раз осмотрев кольца проволоки, утонувшей в грядках, он вернулся в дом и разбудил Хадичу.

— Ты что? — чуть приоткрыв глаза, спросила она.

? Не ходи ночью на огород. И детей держи...

— Дети туда не ходят.

— Держи... — повторил Шоикрам. — Там убьет!

Хадича, наконец, пришла в себя и, внимательно посмотрев на мужа, невольно отшатнулась:

— Вы... вы...

Что она хотела сказать, Шоикрам не стал слушать.

— Не ходи!.. — еще раз предупредил он и, повернувшись, вышел из комнаты.

Он долго не мог заснуть. Никогда ему не мешала эта тусклая лампочка, а сейчас пришлось встать и потушить свет. Потом подумал, что жена не поняла его. Опять встал, выбрал палку и подпер дверь дома. Так надежней, никто не выйдет, а утром он отключит провод, который змеился среди наливающейся соком клубники.

Шелестела орешина, изредка доносились всхлипывания неугомонного ребенка и — вдруг крик...

Шоикрам не мог проснуться... Он лежал и прислушивался. Во сне ли слышался крик, или?.. Уже светало. Сквозь листву пробивалось бледноватое небо. Или?..

Он боялся встать. Боялся спуститься с айвана и подойти к грядкам. Проклятая клубника. Неужели действительно кто-то напоролся на провод?

Шел Шоикрам осторожно, на цыпочках, словно боялся кого-то потревожить, испугать себя. Разве ночью в горячке принимают решения? Сейчас утром он бы не сделал такой глупости. А может, сделал бы? В нескольких шагах от него на грядке лежал человек. Шоикрам сделал еще один шаг, потом еще...

— Матушка-а-а!

Дикий крик взбудоражил дом. Шоикрам обнимал мать, тряс ее, тер щеки...

— Матушка, очнитесь... Откройте глаза.

Голосила Хадича, плакали дети. Придерживаясь за дерево, стоял худой желтый Шанигмат.

— Мне бы не молоко пить, а яд... — еле слышно произнес он.

Странно, но его голос услышали и старший брат, и Хадича...

— Что натворил табиб... Он уверял, что на клубнику можно сменять молоко... — продолжал шептать Шанигмат.

Шоикрам больше ничего не слышал. Он не слышал ни резкого стука в калитку, ни радостных возгласов:

— Эй! Выходите... Выходите же! Кончилась война!..

(Перевод Н. Владимировой)

СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ

— Мама собралась уезжать...

Хуршид поднял голову от чертежа на письменном столе и, будто не понимая слов жены, удивленно на нее посмотрел. Назира, появившаяся в дверях комнаты, вытирала пухлые руки о подол фартука, одетого сверху выходного атласного платья.

— Куда же она поедет в такое время, ведь уже поздно?..

— Говорила я ей,— лениво произнесла Назира,— склонив голову набок,— но все бесполезно.

Хуршид взглянул на часы, примостившись на полке книжного стеллажа, занимавшего всю стену.

«Однако уже шесть... Может, успею до вокзала и обратно?»

И нерешительно произнес:

— Не подбросить ли мне мать на машине?..

Назира пожалала плечами, продолжая вытирать руки о фартук, он не видел ее глаз, она избегала смотреть на него.

Он хорошо знал, ее опущенные ресницы всегда выражали несогласие: Хуршид до тонкостей изучил характер жены. Главное для нее было во что бы то ни стало настоять на своем, из-за этого то и дело вспыхивали поначалу мелкие, а последнее время все более серьезные размолвки.

— А домла не обидится? — холодно, но настойчиво напомнила Назира.

«Конечно, обидится! — подумал Хуршид, нерешительно поднимаясь из-за стола, и тут же споткнувшись об угол завернувшегося ковра, мысленно выругался: «А, черт, как во дворце шаха, и на полу, и на стенах, кругом ковры, дышать нечем!»

В прихожей маленькая сухонькая тетушка Фазилат, как звали ее в кишлаке, мать Хуршида, сидела на краешке кресла, обхватив

руками узелок. Видно, она так сидела давно, словно дожидаясь чего-то и не решаясь беспокоить сына.

Как постарела его мать! У Хуршида сжалось сердце. Будто она стала даже ростом меньше, на лице, обрамленном темным шерстяным платком, прибавилось морщин, под глазами набухли мешки, явный признак нездоровья.

— Приезжаете, мама, раз в год,— в сердцах вырвалось у него,— и сразу обратно... Словно в чужой дом...

Хуршид обиженно нахмурился.

Старушка с трудом поднялась с кресла, прижимая к груди узелок будто невесть с какими драгоценностями.

— Сестренка твоя, Мавлюда, одна там, сыночек, ты же знаешь, я не могу ее надолго оставить.

— Мама! Мавлюда уже не маленькая, останьтесь еще хоть на денек, я очень прошу вас!

Хуршид умоляюще взглянул на мать, но тут же понял, проси не проси, мать все равно не останется.

— Никак не могу привыкнуть к вашим городским домам, сынок, ты уж прости меня, старую. Тесно мне здесь, дышать трудно...

«Вот-вот, и матери трудно здесь дышать!» — подумал Хуршид.

— Ну ладно, раз уж решили, давайте я хоть отвезу вас на вокзал,— неуверенно предложил он, оглядываясь на жену, но тотчас почувствовал, что предложил скорее для приличия, нежели искренне. Назира молчала, лишь многозначительно постукивала пальцами по циферблату золотых часиков на руке.

— Не надо, сынок! — улыбнулась тетушка Фазилат, будто разом ощутила холодную отчужденность невестки и ту борьбу, которая шла в душе ее сына.— Не надо,— повторила она,— Чиназ ведь не за горами, и мне не впервой туда добираться.

Народа на автостанции было немного. В углу небольшого застекленного вокзала, притулившись возле своей поклажи, в низком кресле дремал какой-то старик. Чуть поодаль женщина с

усталым лицом, покрасневшими глазами кормила грудью ребенка. У окошечка кассы весело переговаривались три молоденьких девушки. Старик то и дело просыпался от громкого голоса диспетчера, объявлявшего номер рейса и время отправления очередного автобуса. Тетушка Фазилат купила билет, до отхода автобуса еще оставалось время, и она решила выйти на улицу: ей стало вдруг отчего-то очень тоскливо в полупустом зале автовокзала.

Короткий зимний день был на исходе. Почти совсем стемнело. В тусклом свете горевшей на портале автовокзала лампочки слабо мерцал на ветках акаций выпавший недавно снег. Темнело шоссе, там снег всегда быстро таял, а берег арыка, тянувшегося вдоль обочины шоссе, сохранял свою белизну. Мальчишка лет семи упрямо пытался пробить лед, сковавший арык. У подножья ступенек, ведущих в автовокзал, сидела женщина и продавала горячие манты. Мельком взглянув на мальчишку, долбившего лед, зло прикрикнула:

— Сапоги порвешь, негодник, чтоб ты провалился!

Тетушка Фазилат, подождав, когда женщина перестанет браниться, заступилась за мальчишку.

— Не ругай ребенка, милая! — голос ее дрогнул. — Не ругай!

— А вы не вмешивайтесь не в свои дела! Были бы на моем месте... А, да что там... И папаша его тоже хорош... Ни копейки в дом! Все пропивает! Они-то мне жизнь и сгубили! Чтоб им обоим пропасть! — не на шутку разошлась женщина.

Тетушка Фазилат промолчала. «Благодарила бы лучше бога, что сыном наградил! — думала она, идя к автобусу. А ведь и так случается: кто-то все готов отдать, чтоб вот такой мальчишка родился, а бог детей не дает».

Вот и ее сын, Хуршид, страдает, что у них с Назирой нет детей. Наверное, отчасти и это было причиной постоянных разладов в семье сына. Потому-то ей так тяжело там бывать. А еще и потому мать редко навещалась в гости к сыну, что всякий раз, бывая у него, испытывала какое-то странное ощущение, будто она

находилась не в доме, предназначенном для повседневной жизни, а в ювелирном магазине: куда ни повернешь, того и гляди сломаешь что-нибудь или разобьешь или не там пройдешь...

Свернув на бетонку, ведущую в Чиназ, автобус набрал скорость. То ли от усталости, то ли от тепла, блаженно разлившегося по телу, пассажиры дремали. Тетушка Фазилат удобно устроилась на переднем сиденье, ровный гул мотора успокаивающе действовал на нее, спать не хотелось, и она смотрела в окно. Небо очистилось от облаков, и поблескивающая в вышине луна словно съежилась, побледнела от холода и неотступно следовала за автобусом. Покрытые снегом поля, белые деревья, безмолвно кружились в каком-то волшебном танце под тусклым лунным сиянием.

Сколько раз за свою долгую жизнь тетушка Фазилат ездила по этой дороге! Верно говорится, судьба играет человеком. Захочет — повернет так, захочет — эдак... Но человек многое терпит на своем веку, ко всему привыкает...

Когда муж ушел на войну, осталась она одна с Хуршидом. Тяжко ей приходилось. Но недаром говорится — небо высоко, а земля тверда. Однажды соседка посоветовала молодой матери: «Крепко держись, Фазилат, за свою корову. Продавай молоко в городе, глядишь, и пере-бьешься как-нибудь».

Хороший, справедливый человек был председатель колхоза в войну, разрешил ей ездить в город, но с одним условием: чтоб до полудня была она в поле.

И вот тетушка Фазилат с бидоном молока или катыка каждый день в половине пятого утра садилась в поезд на разъезде, где он стоял меньше минуты, и быстро добиралась до Ташкента. Там, на оживленных улицах, бойко покрикивая «Ки-и-с-лое мо-о-локо!», она живо продавала или обменивала на хлеб или крупу свой товар. Голодное было время, в Ташкенте жило много эвакуированных семей, ни у кого не было достатка и почти в каждой семье маленькие дети. В обмен на молоко давали крохи, у кого что было. Всему была рада тетушка Фазилат. Возвращалась в

кишлак то на поезде, то на попутной арбе и тут же, без отдыха, взвалив на плечо тяжелый кет-мень, шла в поле.

Хуршид был на редкость спокойным ребенком. Иногда целыми днями лежал в люльке возле сандала, будто не по возрасту. Понимая, что иного выхода нет. Постепенно тетушка Фазилат обзавелась в городе постоянными клиентами, и теперь ей не приходилось тратить много времени: разнесет молоко и домой.

Ей не забыть, как однажды тяжело заболел Хуршид, у всякой матери это одно из самых тяжелых воспоминаний. Так и у Фазилат. Помнит, будто вчера это случилось, как всю ночь метался ребенок в жару, простудился, должно быть. Глаза сомкнула лишь под утро. А когда прибежала на разъезд, поезд уже отходил. Что было делать? Не попадешь в город, можешь лишиться постоянных покупателей. Только к полудню добралась она до Ташкента: половину дороги на арбе, вторую пешком по снегу в галошах на босу ногу. Проклятый снег то и дело набивался в галоши, ноги сводило судорогой. Наверное, тогда и нажила себе ревматизм, надолго слегла в постель. И если бы не соседи, неизвестно, что бы с ними стало.

Но, как говорится, пятнадцать дней месяца темны, зато остальные — светлы. Вот и настали светлые дни: кончилась война, муж вернулся, хоть и раненый, но живой. У других и этого не было. Хуршид в школу пошел. А вскоре и дочка родилась. Мавлюдой назвали. Но недолга была радость тетушки Фазилат, умер от ран муж, такое нередко после войны случалось. Теперь все надежды она связывала со своим сыном. Хуршид стал ученым человеком. Так и муж говорил ей, пусть, мол, учится, смышленный растет мальчик. Так и учительница позже в школе говорила — способный.

Размечталась однажды тетушка Фазилат. Вот и школу уже кончает ее сын, и институт одолеет, потом женит его на самой симпатичной и доброй девушке кишлака, такую свадьбу справят, что надолго всем запомнится. Но, как говорится, человек

предполагает... Не суждено было сбыться этим ее мечтам. Конечно, нельзя сказать, что они вовсе не сбылись. Институт-то Хуршид окончил, но в Чиназ не вернулся. Сказал, что хочет диссертацию защитить. Ну, диссертацию так диссертацию, не очень-то разбиралась тетушка Фазилат в тонкостях науки, но раз сын так захотел, разве она против, тем более что речь идет о науке. Но тут вдруг сын женился. Невесту нашел себе го-родскую. И свадьбу сыграли не так, как мечтала Фазилат, не в кишлаке, а в городе. Соседи посмеивались тогда: мол, сынок-то оказался примакom, в доме тестя живет. Хотя она готова была сквозь землю провалиться, настолько невыносимы были эти насмешки, но вида не подавала. И стойко отражала эти нападки — пусть-ка ваши детки, уважаемые соседи, попробуют стать учеными, а что касается квартиры, так вранье это все, у него своя есть, в гостях была, видела.

Слава богу, за Хуршида она спокойна. Теперь и жена у него есть, красавица да умница, тетушка Фазилат уверена в выборе сына, и квартира на зависть многим. Недавно вот и машину купил. Только редко, ох как редко стала навещать она сына. Но это ничего, она же не одинока, у нее, есть дочка, Мавлюда, а ведь дочь всегда ближе матери, недаром... И тут ей на ум снова пришла пословица, она так много их знала, на все, почитай, случаи жизни, что, как ни горько, сын — отрезанный ломоть...

Заскрипели тормоза, и автобус остановился, прервав воспоминания тетушки Фазилат. Взглянув в окно, она удивилась: как быстро они сегодня доехали. Когда же вышла из автобуса, почувствовала, как болезненно сжалось вдруг сердце. «Отчего бы это? — и неясное беспокойство овладело ею.— Здорова ли Мавлюда? Ведь как- никак три дня не была дома. Мало ли что...»

Скользя по утоптанной тропинке, Фазилат быстро шла к дому. Тревога не оставляла ее ни на миг, наоборот, продолжала расти так, что уже она почувствовала боль около горла и глухие удары сердца ощутила. Но вот наконец и дом ее совсем близко, вот уже она увидела издали свет в окне. Все вокруг дышало

покоем и тишиной, Фазилат замедлила шаги, заставляя успокоиться себя, умерить перебой в сердце. У двери она остановилась, еще раз чутко прислушалась, но нет, все было спокойно, ни звука не доносилось из дома. Тогда она, прислонившись спиной к двери, облегченно вздохнула и кончиком платка вытерла пот, проступивший на лбу.

Хуршид никак не мог подняться с кресла, на котором только что сидела Фазилат. Он мысленно представлял себе весь путь матери от своего дома до автовокзала, куда надо было добираться еще одним автобусом. Представлял, как она, обхватив руками узелок, в котором были покупки для Мавлюды, сначала мерзнет на остановке, потом на автовокзале в ожидании рейса на Чиназ. Его мучило запоздалое раскаяние, он ругал себя за то, что всегда в конце концов поступает так, как хочет Назира.

Жена сидела перед зеркалам и, прихватив губами шпильки, укладывала волосы в замысловатую высокую прическу и наблюдала за мужем. Потом, словно спохватившись, поднялась, вышла в прихожую, изобразив на лице неподдельное удивление:

— Как, вы до сих пор еще не готовы? Как же мы будем выглядеть в глазах домлы, если явимся к нему словно гости?

Хуршид, нахмурившись, поднялся.

— А что так торопиться? Что я— мальчик на побегушках?

Поднятая рука Назиры, в которой она держала последнюю шпильку, долженствующую закрепить на ее голове окончательно то, над чем она столь долго трудилась у зеркала, замерла в воздухе. Нахмурившись, она смотрела на мужа не мигая. В ее глазах застыло холодное удивление. И, хотя на сей раз он не услышал от нее ни единого упрека, он прекрасно знал, что она хотела сказать.

Да, да, да, Хуршид был должником Фаиза Махмудовича. Конечно, домла сделал для него больше, чем родной отец. А сегодня у домлы такой день, он защищает докторскую диссертацию. И вчера попросил Хуршида и Назиру распорядиться насчет банкета. Да, он так и сказал, что лучше, чтобы они

встречали гостей в ресторане, пусть даже на защите не присутствуют... Вот так. И еще Фаиз Махмудович попросил, чтобы Хуршид был на машине, потому что после банкета кое-кого надо будет отвезти домой...

И Хуршид сегодня носился целый день как угорелый. Теперь должен ехать в ресторан, встречать гостей. А его старая мать должна была сама добираться до автовокзала. Но разве он мог ей рассказать об этом? Разве она это поняла бы?..

Чуть ли не бегом спускаясь по лестнице, он снова подумал о матери. «Мама тоже хороша... приспичило ей ехать именно сегодня».

Войдя в гараж, Хуршид открыл дверцу «Москвича». Теперь он спешил, но мотор не заводился, видно, переохладился. Он исступленно выжимал газ. Кстати сказать, неотступно сверлила мысль, что и машина эта приобретена благодаря домле. Нет, сколько бы услуг не оказывал теперь Хуршид Фаизу Махмудовичу, он вечный должник, никогда не расплатится с ним, как бы ни старался. Это теперь становилось совершенно ясно, как божий день..

Началось это давно, еще в студенческие времена. Какая у бедного студента стипендия! Хуршид подрабатывал на товарной станции грузчиком, но, конечно, никто об этом не знал, даже соседи по комнате в общежитии. Не то, чтобы он стеснялся, нет, он с детства считал, что любой труд, честный труд не зазорен. Но ребята, его соседи по комнате, тоже не ташкентцы, получали подкрепление от родителей, ему же мать не могла посылать ничего: подрастала Мавлюда, заработанного мамой едва хватало на них двоих, а он, Хуршид, никогда бы и не взял у нее, зная, с каким трудом она зарабатывала на жизнь. И гордость не позволяла ему признаться, как ему достается то, что другие получали без малейших усилий. Так продолжалось почти все пять лет, пока неожиданно не раскрылась его тайна. Как-то, почти перед самой защитой диплома, он шел на станцию. Уже совсем стемнело. Разгружали контейнер с мебелью. Вдруг Хуршида кто-

то дернул за рукав.

— Молодой человек, помогите, да, да, и здесь и дома поднять на этаж, я хорошо заплачу!..

Обернувшись, Хуршид едва не остолбенел от неожиданности. Это был не кто иной, как их доцент, Фаиз Махмудович, не далее как вчера принимавший у него последний экзамен.

— Вы Авазов? Не так ли? — мгновенно вспомнил он, похлопав студента по плечу.— Начинайте грузить! Вот так встреча!

Покончив с делами, в тот день Хуршид засиделся у Фаиза Махмудовича допоздна. Поужинали, и за разговором время пролетело незаметно.

— Вы хорошо подготовились к госэкзамену,— сказал прощаясь домла,— у вас и знания, и творческая смекалка есть. Что вы думаете насчет аспирантуры? Можно ведь и в заочную, будете работать и учиться.

Через неделю Хуршид был оформлен на работу в лабораторию Фаиза Махмудовича...

Мотор не заводился, и Хуршид совсем разнервничался. Все сильнее и сильнее обуревала его злость на себя, на обстоятельства. Это состояние усугубляла Назира, стоявшая у ворот гаража и нетерпеливо постукивавшая модными сапожками на высоких каблуках. Хуршид почему-то вспомнил сейчас тот день, когда они познакомились. Вот так же шел снег, и будущая жена его была в этой же шубке, которая так идет ей. И сапожки вроде были такие же... На новогоднем вечере он читал монолог Гамлета, который помнил еще со времен школьного драмкружка. И читал, наверное, неплохо, все дружно аплодировали.

На троллейбусной остановке ему показалось, что девушка, нетерпеливо переступавшая с ноги на ногу, улыбнулась вдруг ему. Он не решился заговорить первым, хотя она сразу ему понравилась. Но, видно, в тот вечер взошла его счастливая звезда и девушка первой заговорила с ним.

— Если вы Гамлет,— пошутила она,—то где же ваша Офелия?
, — Офелии... нет,— признался Хуршид. И это было чистой

правдой. Он не встречался ни с одной девушкой, главное, убеждал он себя, кончить институт, все остальное придет потом. Сказать по правде, у него и времени-то свободного не оставалось, все отнимала учеба.

В тот вечер он узнал, что Назира учится в политехническом на химфаке.

Наверное, и ей приглянулся высокий серьезный Хуршид, а уж про него и говорить нечего, он влюбился, как говорится, с первого взгляда. С того вечера он и дня не мог прожить без нее. Они часто виделись, и как-то Назира, несколько смущенно, призналась, что в доме от свах нет покоя и что родители не против были бы выдать ее замуж, но, конечно, с ее согласия... В смятении, охватив шем его, Хуршид не знал, что и предпринять, что ответить на признание девушки. Он не готов жениться, это было ясно, откуда студенту раздобыть денег даже на очень скромную свадьбу. Семья Назиры более чем состоятельная, он об этом догадывался хотя бы по тому, как девушка была одета, как никогда не умела отказывать себе ни в чем. Она не раздумывая покупала понравившуюся ей вещь, в то время как он сам дорожил каждым рублем. В отчаянии он однажды открылся во всем Фанзу Махмудовичу.

— Познакомьте меня со своей невестой,— предложил домла.

.И на этот раз, как считал Хуршид, счастье улыбнулось ему. Оказалось, что отец Назиры, ответственный работник районного управления торговли, был старым знакомым Фаиза Махмудовича. И, конечно, отец ничего не пожалел для единственной дочери. Куда уж там было тетушке Фазилат тягаться с новыми родственниками! Хуршид ходил сам не свой, видя, как мать Назиры старалась од-носельчан Фазилат и Хуршида посадить в самом конце свадебного стола; но что тут поделаешь, все решали родственники невесты.

И Хуршиду припомнилось расстроенное лицо матери, которая чуть ли не на следующий день после свадьбы сразу уехала домой. Почти как сегодня... Ни слова не сказала сыну...

Стартер по-прежнему не давал искры, и Хуршид свою злость неистово вымещал на машине. Наконец, уступив яростному напору хозяйской руки, мотор заработал, и Хуршид вывел машину из гаража. Облегченно вздохнув, Назира села рядом, но не сдержалась:

— Пропади пропадом всё, мы опаздываем, посмотри на часы! Черт, неужели отец подсунил нам неисправную машину?

«Ну, опять двадцать пять!..— Хуршид, бегло взглянув на часы, прибавил скорость.— Будь неладна и машина ваша и деньги!»

Известно, человек за рулем должен быть внимательным. Но на этот раз Хуршид не мог сосредоточиться. Он не мог избавиться от накопившегося раздражения, не мог забыть последнее свидание с матерью, мучили угрызения совести перед нею. Снова и снова вспоминалось недавнее...

Вскоре после свадьбы многое стало удивлять его. Знакомые жены, которых она называла не иначе как высшей аристократией. Разговоры тестя и его близких, которые не шли дальше проблемы: кто сколько получает, у кого какой марки машина, в каком магазине можно приобрести пятисотрублевые серьги, как доставить из Риги модный столовый гарнитур... Среди этих людей — смешно сказать — Хуршид казался себе подопытным кроликом, запрятым в клетку, откуда нет выхода. Он все больше увязал в неоплатных долгах перед родственниками жены и мучился от этого. Росла в нем тоска по прошлому, тянуло бросить все и уехать в кишлак, к матери, но желанье это становилось с каждым днем все невыполнимей: еле успевал с делами в городе.

Часто во сне ему виделся родной дом, будто снова он мальчишкой, растянувшись на берегу канала, греется под лучами радостного весеннего солнца. Наплававшись до изнеможения, сощуриив глаза, он смотрит на солнце до тех пор, пока перед глазами не «вспыхивает множество фиолетовых кружочков. И эти солнечные зайчики наполняли его неизъяснимой радостью, с этим ощущением он и просыпается, и оно живет в нем еще

долго-долго, пока в этот сладостный сон не вторгается реальность грядущего дня, и тогда одна-единственная мысль не дает ему покоя: с каким удовольствием он променял бы сейчас все что есть у него на то невозвратимое время...

Машину тряхнуло, подбросив на выбоине асфальта, которую Хуршид не заметил, он запоздало свернул на обочину дороги, не сбавляя скорости.

Да, всего полгода он водит машину. И опять же благодаря Фаизу Махмудовичу, который как-то, то ли в шутку, то ли всерьез, спросил его тестя, почему бы не купить зятю машину. Появился «Москвич», появились новые заботы. А знакомые жены все чаще задают ему вопрос, когда же он защитит диссертацию. Уже позади три года аспирантуры, а конца работе нет. Видно, за слишком сложную тему взялся. А выше головы не прыгнешь. Слова эти все чаще приходили ему на ум. Ошибся в нем Фаиз Махмудович, ошибся, пророча ему научное будущее. Он мог признаться только самому себе, что был лишь и с- ноли и те л ем чужой воли и чужих идей, правда, пунк-туальным, работоспособным, но исполнителем. Но если этот воз ему не по силам, почему он не дает дорогу другим, которые не только хотели, но могли бы стать творцами. Разве мало у них в институте таких, как он, случайно попавших в науку, которые до седых волос будут на побегушках у своих научных руководителей? Да вот взять хотя бы то, что предстоит сегодня ему. Фаиз Махмудович защитит докторскую, а он, Хуршид, будет в ресторане обслуживать гостей на банкете, развозить их по домам...

Горькие мысли его внезапно прервал сильный толчок и последовавший за ним сильный удар, сопровождаемый пронзительным криком Назиры. Хуршид мертвой хваткой вцепился в руль и повернул голову направо: Назира, согнувшись в три погибели, прижимала руки к лицу.

«Авария!» — эта мысль молнией пронзила мозг, и он резко повернул руль вправо. Но тот не слушался его: машина по

какому-то, одной ей ведомой закону, стремительно продолжала двигаться поперек дороги. Молниеносно обернувшись туда, откуда, как ему казалось, исходила эта неведомая сила, Хуршид увидел огромную махину самосвала, упершегося в бок его «Москвича». «Сейчас мы перевернемся и самосвал раздавит нас!» — с ужасом пронеслось в голове Хуршида, съезжившегося от страха. И в этот страшный миг перед его глазами встала мать. Должно быть, прошло несколько мгновений, но они показались ему вечностью. Наступила внезапная тишина. Самосвал замер на месте, «Москвич» Хуршида, словно на-крепко припаянный к нему, дернулся в последний раз и тоже встал.

На лбу Хуршида выступил холодный пот, руки словно одеревенели и не слушались его.

— Не бойся,— нашел он в себе силы успокоить Назиру и обнять ее за плечи.— Не бойся! — увереннее повторил он,— ведь самое страшное позади... остались живы...

Назира, уже пришедшая в себя, отвела его руку. Лицо ее, блее мела, исказилось от страха, губы дрожали, и она вдруг разрыдалась.

Хуршид толкнул было дверцу, чтобы выйти из машины, но она не поддавалась, вогнувшись внутрь кабины и крепко зацепившись за сиденье.

— Открой свою дверь, попробуй! — попросил он рыдающую Назиру.

Жена в полубморочном состоянии, кое-как с его помощью открыв свою дверцу, нетвердым шагом вышла из машины, с трудом добрела до ближайшего телеграфного столба и без сил опустилась на кучу снега. Хуршид, едва передвигая ноги, обошел машину. В этот момент дверца самосвала с грохотом отворилась и на дорогу прыгнул молодой парень, бледный, с безумно бегающими от страха глазами.

— Вы живы? — Он подбежал к Хуршиду чуть не плача. Тяжелое дыхание мешало говорить, тоненькая ниточка усов на верхней губе судорожно подрагивала.

Хуршид молча кивнул ему, посмотрел на «Москвича», бок которого был изрядно помят, вдребезги разбито боковое стекло. Странное дело, он нисколько не огорчился: помятая и разбитая машина напоминала его самого, и Хуршид горько усмехнулся.

Как всегда случается при дорожных происшествиях, откуда ни возьмись, набежал народ. Хуршид глазами отыскал Назиру, теперь она стояла шагах в трех от него, и какая-то незнакомая женщина оттирала ее виски снегом.

В поднявшемся шуме и гомоне ничего нельзя было разобрать. Откуда-то появился молодой инспектор ГАИ, безуспешно уговаривающий разойтись собравшихся. Подойдя к Хуршиду, он спросил:

— Вы водитель «Москвича»?

Хуршид снова молча кивнул.

— Повезло вам, считайте,— улыбнулся инспектор,— из таких аварий редко кто выходит живым.

И уже более строгим голосом задал вопрос:

— Чей самосвал?

— Мой! — чуть не плача отозвался паренек.

— Как это произошло? — Инспектор придвинулся вплотную к парню.— Рассказывайте!

— Они,— он кивнул на «Москвича»,— ехали очень медленно. Я хотел обогнать. Навстречу, откуда ни возьмись, «Волга» выскочила...

Он не успел договорить, как раздался властный голос Назиры,— Хуршид сразу узнал его:

— Изуродовал машину, пусть платит!

Жена уже не плакала, и, гордо подняв голову, была уверена, как всегда, в своей правоте.

— Заплатит, гражданка, заплатит,— успокоил ее инспектор, отбирая у парня права.— Подадите в суд и взыщете с него. Ваше право!..

И тут вдруг что-то случилось: сквозь плотное кольцо людей, окруживших место аварии, с трудом протискивалась какая-то

старушка в бархатной допотопной безрукавке, в платке, плотно обтягивающем ее голову. С возгласом: «Сыночек мой!» — она бросилась обнимать водителя самосвала, а тот гладил ее плечи и говорил какие-то слова, которых не было слышно из-за шума. Нотом так же неожиданно старушка вдруг, повернувшись к инспектору, стоящему рядом с парнем, буквально повисла у него на шее.

— Сжался, сынок, дорогой! Один-единственный ведь он у меня!..

Хуршид стоял ошеломленный, не в силах сразу понять, что происходит, откуда взялась эта старушка, почему она умоляет инспектора. И пока он понял наконец, что старушка эта — мать шофера самосвала, его пронзила одна-единственная мысль: как похожи они, эти две старые женщины, эта и его мать — такие же сухонькие, та же бархатная безрукавка времен войны, в которой она ни свет ни заря отправлялась каждое утро в город, чтобы выжил он, ее сын, ее кровинка...

Не дав воли нахлынувшим слезам, он положил руку на плечо чужой матери.

— Успокойтесь, мамаша! Вашему сыну не сделают ничего дурного. Поверьте мне...

Старушка теперь повернулась к нему.

— Сынок, родной, дай бог счастья твоим деткам!

И тут вдруг словно прорвало водителя самосвала:

— Как же я не хотел ехать! А? Но нет, жену свою послушался! Мама вчера к старшей сестре в Келес поехала. Только я вернулся с работы, пристала жена ко мне: привези, говорит, да привези мать! А то ей трудно из Келеса добираться. Вот я и привез... Не думал — не гадал, что они со свекровью будто две оглобли у одной арбы...

Хуршид невольно улыбнулся. Завидовал тому, как тот ругает свою жену. Завидовал жене этого парня, которая любила мать своего мужа как свою родную. Мать всегда достойна такой любви...

Его вернули к действительности слова инспектора:

— Ну, в суд будете подавать? — Инспектор строго смотрел ему в глаза.

Хуршид взглянул на жену и решительно ответил:

— Странно все это слышать, товарищ инспектор. Зачем нам суд? Сами как-нибудь договоримся. Случайность ведь, разве непонятно? В жизни и не такое бывает...

Инспектор пожал плечами, словно хотел сказать: «Дело хозяйское!», а мать паренька все еще недоверчиво глядела на Хуршида.

1981

Перевод В. Турбиной

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

— Мать уезжать собралась...

Хуршид поднял голову от стола, заваленного чертежами, и рассеянно посмотрел на жену. На пороге стояла Назира, вытирая пухлые руки о фартук, надетый поверх атласного платья.

— Куда это она на ночь глядя?..

— Я ей уже говорила,— Назира раздраженно новела плечами,— но разве ее переубедишь?

Хуршид взглянул на часы, которые красовались на книжном шкафу, занимавшем всю стену.

— Уже шесть. Полчаса осталось. Отвезти ее разве на машине? — он вопросительно взглянул на жену.

Назира снова пожала плечами: как угодно.

Уже давно Хуршид научился понимать смысл этих слов. Впрочем, это было не так уж трудно: эти два слова всегда означали: нет. Не раз с этого неопределенного и безличного «как угодно» начинались семейные ссоры.

— Как бы шеф не обиделся, ведь ты ему давно обещал,— так же равнодушно бросила Назира.

«Ясно, обидится»,— подумал Хуршид, нерешительно поднимаясь из-за стола. Он пересек комнату, увешанную яркими, как огонь, коврами, и вышел в коридор.

Тетушка Фазилат уже успела натянуть на ноги ичиги с калошами и, маленькая, сухонькая, сидела в кресле, прижимая к груди узелок с пожитками.

Материнский глаз безошибочно и сразу подмечает любую перемену в облике своего дитя, но редко когда ребенок, даже став взрослым, улавливает на материнском лице пометы времени. Только сегодня Хуршид словно впервые по-настоящему увидел свою мать, и ему показалось, будто стала она еще меньше,

как-то вся сохлась. Она повязалась рябенским шерстяным платочком, прикрывавшим подбородок, и еще резче поэтому проступила на лбу и под припухшими глазами сетка морщинок.

— Приезжаете раз в год,— обиженно начал Хуршид,— и тут же обратно. Разве это не ваш дом?

Старуха еще крепче прижала к себе узелок и поднялась с кресла.

— Ты же знаешь, сынок, что Мавлюда одна.

— Мавлюда не девочка. Оставайтесь,— Хуршид просительно поднял на мать глаза, но тут же подумал: «Все равно не останется».

— Будь счастлив, сынок, мне нужно ехать.

— Ну тогда я вас отвезу...— еще не договорив этих слов, он с раздражением почувствовал на себе пристальный взгляд жены.

— Не надо, сынок, у тебя и так дел много,— сказала мать и понимающе улыбнулась,— Не такой уж дальний край наш Чиназ. Не в первый раз еду. Путь знакомый.

На автостанции былолюдно. В дальнем углу застекленного зала ожидания сладко дремал какой-то старик, прислонившись к своему мешку.

Женщина средних лет кормила грудью малыша. У самой кассы весело щебетала стайка молоденьких девушек.

Время от времени диктор внятно объявлял об отправлении или прибытии очередного автобуса. До отправления чиназского оставалось еще порядочно времени.

Тетушка Фазилат вышла на улицу. Короток зимний день. Уже начинало смеркаться. Над входом в автостанцию зажглась лампочка.

На ветках акаций все еще поблескивал выпавший накануне снег. На проезжей части дороги он уже успел растаять, но все еще белел у обочины и по берегам арыков.

Мальчик лет пяти пытался разбить каблуком лед. Женщина, сидевшая у лестницы на опрокинутом ведре, закричала:

— Порвешь ботинки, чтоб ты сдох!

— Не надо ругать ребенка, милая,— сказала тетушка Фазилат, и голос ее дрогнул.

— Э, пусть они сгинут, всю жизнь на них положила. Да еще отец пьет без просыпа.

«Господь бог,— подумала тетушка Фазилат, направляясь к подошедшему автобусу,— не дает детей тому, кто хочет их иметь». Она думала о сыне, у которого не было ребят.

Знала тетушка Фазилат и о ссорах сына с женой. И еще по одной причине она редко наезжала в город. Тетушка Фазилат чувствовала себя в квартире сына словно бы в ювелирной лавке — страшно повернуться, а то по неловкости чего доброго еще заденешь или разобьешь что-нибудь.

Автобус выехал на бетонированную дорогу и увеличил скорость. Фазилат устроилась на переднем сиденье и смотрела в окно. Небо прояснилось, бледный, словно замерзший месяц мчался вслед за автобусом. На полях лежал снег, и редкие деревья, казалось, были в цвету. Долина дремала под белесым лунным светом, будто видела сказочные сны. Тишина.

Много раз Фазилат проезжала здесь... «У каждого своя судьба,— думала старушка,— что только ни делает она с человеком. Играет им как хочет. А человек всё переносит».

Когда муж ушел на войну, Хуршид был грудным младенцем. Что поделаешь, небо высоко, земля тверда, как говорят люди. Она работала в колхозе, но прокормиться с сыном не могла. Хорошо соседка научила: «Вези молоко в город, все-таки какие ни есть деньги».

Председатель был человек сердобольный. Разрешил попозже выходить на работу.

С рассветом Фазилат садилась в поезд с бидоном молока или катыка. Продавала его на шумной ташкентской улице. Потом снова бежала на поезд, а если не успевала, то возвращалась на попутной арбе; дома сразу же хватала кетмень и торопилась в ноле.

Хуршид рос спокойным ребенком. Не капризным. Лежал себе

под одеяльцем и молчал. Со временем Фазилат приобрела постоянных покупателей. Она уже не бегала по улицам, а разносила молоко прямо по домам. По сей день не может забыть Фазилат, как однажды заболел ее мальчик. Видно, промерз. Всю ночь она просидела у его постели и лишь к рассвету задремала. Когда она прибежала на станцию, поезд уже ушел. Что делать? Не ездить? Страшно, а вдруг покупатели откажутся от ее услуг. Полдороги она ехала на арбе, остальную часть пути прошла пешком, почти разутая, по снегу. И лишь к обеду принесла молоко в город. Ноги сводило судорогой, в калоши набился снег.

С тех самых пор и мучает ее ревматизм, а тогда пришлось долго пролежать в постели. Соседи ругали ее: разве сын тебе памятник поставит, о себе подумать не мешает. Но недаром говорят люди, что за темными и печальными днями непременно наступят светлые. И они наступили. Кончилась война. Вернулся израненный муж. Хуршид пошел в школу. Потом родилась Мавлюда. Но недолгой была радость Фазилат: внезапно умер муж. Теперь ее единственной надеждой оставался сын.

Хуршид успешно окончил школу, поступил в институт. Она мечтала, что вот закончит сын учебу, вернется домой и она женит его на самой красивой девушке кишлака, сыграет свадьбу не хуже, чем другие. Однако и на сей раз надежды ее не сбылись. Хуршид благополучно закончил институт, но в кишлак не вернулся. Захотел учиться дальше. В аспирантуре. А потом вдруг взял и женился. Свадьбу сыграли в городе, и Фазилат отвезла сыну немудреное добро, которое копила для него столько лет.

В кишлаке посмеивались: «Сынок Фазилат нашел себе жену с квартирой, значит, не женился, а вышел замуж».

Она отмалчивалась — глупости все это. Ее сын будет ученым, пусть-ка ваши сыновья добьются того же. И живет он не с родителями жены, а в отдельной квартире.

«Слава богу,— думала Фазилат бессонными ночами,— Хуршид обзавелся семьей, квартирой. И машину вот купил». Но почему-то сама стала реже ездить к сыну. Она же не одна. Есть у

нее Мавлюда. Может, дочь даст то, что ждала она от сына. Не все ли равно — сын ли, дочь ли, были бы они здоровы и счастливы.

Пронзительно взвизгнули тормоза, автобус остановился. Фазилат вздрогнула. Она прижалась к стеклу, увидела знакомый деревянный дом и тут только поняла, что приехала.

Фазилат сошла с автобуса, и сразу ее охватило беспокойство: «Господи, все ли в порядке дома?» Она побежала прямо через поле по затвердевшей грязи, чуть присыпанной снежком. Сердце тревожно билось, словно предчувствовало беду. Наконец, она увидела огонек в окне низенького приземистого домика, и сразу отлегло от сердца. Она остановилась и вытерла вспотевший лоб краем рябенького платочка.

* * *

Хуршид сидел хмурый, он все не мог забыть, как мать прижимала к себе узелок, торопясь поскорее уйти, словно стеснялась, боялась причинить сыну неудобства. Он представил себе, как она сейчас забилась в уголок автобусной станции совсем одна, маленькая, сухонькая, в рябеньком шерстяном платке, повязанном так, что закрывает он почти всю нижнюю часть лица и морщинистые щеки. На душе было скверно.

Назира сидела перед большим зеркалом в углу комнаты с полным ртом шпилек и укладывала волосы, косясь на отражение мужа. Оба молчали, и никто из двоих не решался нарушить эту давящую тишину.

— Ты готов? — наконец спросила Назира, обернувшись. — Мы же не можем прийти словно гости, шеф обидится.

— Что ты так торопишься? Я ему не мальчик на побегушках.

Хуршид нахмурился и поднялся с кресла. Назира раздраженно взглянула на мужа. Она ничего не сказала, но Хуршид знал, что думает она в эту минуту, сидя вот так, с приподнятой рукой, в которой была зажата последняя шпилька.

Кто спорит, Хуршид многим обязан Фаязу Махмудовичу. Шеф

всегда был для него словно отец родной. Не всякий отец сделает для сына столько, сколько сделал Фаяз Махмудович для Хуршида. А сегодня Фаяз Махмудович защищает докторскую. Еще вчера он попросил Хуршида позаботиться о банкете, присмотреть, чтобы в ресторане, где был заказан ужин, все было в порядке; помочь встретить гостей и непременно приехать на машине — она может понадобиться.

Весь день Хуршид хлопотал о банкете. Теперь нужно пораньше приехать в ресторан, чтобы встретить гостей. Поэтому-то он и не смог отвезти мать домой.

Спускаясь по каменной лестнице, он снова подумал о матери: странная она все-таки, именно сегодня ей понадобилось вдруг уезжать.

Хуршид вошел в гараж и открыл дверцу машины. Мотор, по-видимому, остыл и не заводился. Он с силой нажал на стартер.

Ведь вот и эта машина приобретена благодаря Фаязу Махмудовичу. Как же Хуршиду не любить своего учителя? Разве смог бы он прожить на студенческую стипендию? После лекций приходилось бежать на товарную станцию и таскать грузы. Но об этом никто не знал, даже его товарищи по общежитию. Так продолжалось все пять лет. И только на последнем курсе тайна его была раскрыта.

Однажды на товарной станции ему сказали, что надо разгрузить контейнер с мебелью. Был уже поздний вечер. Хуршид подошел к владельцу мебели.

— Если угодно,— сказал он,— я погружу вашу мебель на машину.

Мужчина обернулся, и Хуршид, узнав его, обмер. Это был Фаяз Махмудович. А ведь только вчера он сдавал ему экзамен по ядерной физике и получил пятерку, заслуженную, как сказал шеф.

Фаяз Махмудович понял, как нелепо чувствует себя сейчас его ученик.

— Ведь ваша фамилия, если не ошибаюсь, Авазов? Ну что ж,

грузите!

После работы Хуршид проговорил с Фаязом Махмудовичем чуть ли не до утра.

— Вы мне очень симпатичны,— сказал доцент, расставаясь с Хуршидом.— Знания у вас обширны, вы серьезно относитесь к занятиям, думаю, вам непременно нужно поступать в аспирантуру.

А через неделю Хуршид уже работал в лаборатории Фаяза Махмудовича. А как как он был студентом выпускного курса, То в деканате не возражали.

...Мотор по-прежнему не заводился, и Хуршид нервничал.

В дверях гаража появилась Назира, закутанная в меховую шубку. Она нетерпеливо переступала ногами, обутыми в маленькие сапожки.

В тот день, когда они познакомились, Назира была в такой же шубке и вроде бы в таких же самых сапожках. В ту новогоднюю ночь на студенческом вечере Хуршид читал монолог Гамлета. И, наверное, читал хорошо — ему долго аплодировали.

После бала уже в троллейбусе он увидел красивую белолицую девушку. И почему-то никак не мог оторвать от нее взгляда. Девушка улыбнулась. Но заговорить с ней он не решался: «Такая красавица, куда уж мне». Девушка первая обратилась к нему.

— Вы настоящий Гамлет,— произнесла она улыбаясь,— но где же ваша Офелия?

— У меня нет Офелии,— дрогнувшим голосом ответил Хуршид.

И на самом деле Хуршид сторонился девушек. «Главное — учиться, все остальное — потом». Откровенно говоря,и времени-то ухаживать за девушками не оставалось.

В тот вечер он узнал, что Назира учится на химическом факультете. Наверное, высокий, стройный и молчаливый парень приглянулся ей, а Хуршид — тот сразу влюбился без оглядки и уже не мог не встречаться с ней.

Весной Назира сказала, что в их дом зачастили сваты и

родители мечтают выдать ее замуж. Хуршид встревожился. Он понимал, что сейчас ему не по средствам устроить настоящую свадьбу. Родители Назиры богаты и, конечно, хотят отпраздновать свадьбу единственной дочери как можно пышнее.

Хуршид поведал о своих сомнениях Фаязу Махмудовичу.

— Приведи ко мне девушку,— сказал тот,— я сам с ней поговорю.

А на сей раз счастье улыбнулось Хуршиду: отец Назиры, начальник торгового отдела района, оказался знакомым, чуть ли даже не приятелем Фаяза Махмудовича.

Свадьбу сыграли по всем правилам. Отец Назиры не поспешил для своей любимой дочери. И жалкие подарки тетушки Фазилат, матери Хуршида, даже не понадобились.

Легко было заметить, что мать Назиры не слишком-то довольна бедным зятем, и прибывшие из кишлака гости были приняты не совсем радушно. Хуршиду вспомнилось, что мать уехала огорченная чуть ли не на другой день после свадьбы.

И вот сегодня... тоже как-то не совсем ладно получилось. Интересно, не опоздал ли автобус?

Спина Хуршида вспотела, и он с досадой начал крутить ручку. Наконец мотор заработал. Хуршид осторожно вывел машину из гаража. Назира уселась рядом с ним на переднее сиденье и глубоко вздохнула.

Господи, ну конечно, мы уже опоздали! В чем в сущности дело, неужто папа взял себе хорошую машину, а нам подсунул похуже?

«Опять все то же,— раздраженно подумал Хуршид, осторожно продвигаясь по людной улице.— Будь прокляты эти машины и их деньги».

Хуршид так и не смог подавить вскипавшее в душе раздражение. С того самого дня, как они поженились, только и разговоров было, что о вещах, да деньгах, да машинах. Особенно неуютно чувствовал он себя среди так называемых «аристократических» друзей и знакомых жены. И отец Назиры и все их друзья с увлечением говорили о высоких заработках, о

«Москвичах» и «Волгах», о дорогих серьгах и прочих ювелирных изделиях, о том, что кто-то привез из Риги мебельный гарнитур за три тысячи и так далее и тому подобное.

Хуршид терялся среди этих людей и в их обществе чувствовал себя словно подопытная мышь под стеклянным колпаком. Ко всему прочему, у них с Назирой до сих пор не было детей. Но самое главное, Хуршид постоянно чувствовал себя должником этой семьи, семьи родителей Назиры: расходы на свадьбу, мебель, ковры, а вот теперь еще и эта машина.

До сих пор он тосковал о кишлаке, где прошли его детские годы, о своей семье. За их двором и садом протекает Анхор. Мальчишкой он не вылезал из воды, да и студентом, приезжая домой, любил окунуться в его холодные струи. Вылезши из воды, Хуршид, зажмурившись, долго лежал на песке, и перед глазами начинали плясать светящиеся лучики и солнечные кружочки. Постепенно они опускались все ниже и ниже и таяли в песке, а к Хуршиду подползала дрема. Все отдал бы он сейчас, лишь бы еще раз увидеть эти светящиеся кружочки. Приезд матери живо напомнил Хуршиду ту уже такую далекую теперь игру солнечных лучей.

Внезапно машину встряхнуло, и Хуршид посмотрел вокруг. Он осторожно обогнул застывшую на мостовой лужу и взял прежнюю скорость.

Полгода назад Фаяз Махмудович полушутя сказал отцу Назиры: «А почему бы вам не купить зятю машину?» И вот теперь у него свой «Москвич». И хлопот прибавилось. Да и родители Назиры уже открыто говорят о том, что он слишком тянет с диссертацией.

И тут они правы. Три года Хуршид учился в аспирантуре. И вот уже два года работает, а конца диссертации не видно.

Хуршиду почему-то вспомнилось, что вместе с ним конкурсные экзамены в аспирантуру сдавала девушка из Хорезма. Они набрали одинаковое количество баллов, но прошел только он, Хуршид. Занимался он сложной проблемой, связанной

с космонавтикой. Но в глубине души понимал, что с этой темой ему не справиться.

«Как же я запутался,— думал Хуршид. И руководителя подвел: ведь чувствовал, что не осилю, зачем же было лезть на чужое, в сущности, место? Может, та девушка из Хорезма смогла бы?»

Но что пользы от этих запоздалых мыслей? Мало ли в пауке случайных людей, точно так же превратившихся в мальчиков на побегушках при руководителях. Вот сегодня Фаяз Махмудович защищает докторскую, а он, Хуршид, будет разносить чай его гостям и потом еще развезет их по домам на этой самой машине.

Ход его мыслей прервал страшный грохот и истерический вопль Назиры. Он в ужасе рванул руль и повернулся к жене. Назира как-то странно согнулась, прижав обе ладони к лицу.

«Авария!»— молнией блеснуло в мозгу.

Хуршид резко вывернул руль направо, но руль не повиновался, и машина неестественно быстро начала сползать куда-то вбок. Хуршид в отчаянии оглянулся: огромный самосвал, подцепив буфером их маленький «Москвич», быстро катил его вперед. «Сейчас перевернемся, и самосвал пройдет по нашим телам»,— успел только подумать Хуршид.

Прошли минуты две. Самосвал внезапно остановился, и «Москвич», подрагивая, заглох.

«Живы!» Хуршид почувствовал, как холодный пот заливает ему глаза.

— Успокойся!— сказал он Назире, обнимая ее за плечи.

Назира дрожала и громко плакала. Хуршид попытался открыть дверцу, но ее заклинило.

— Открой со своей стороны,— сказал он.

Назира нажала на ручку, шатаясь, вышла из машины, побрела к дереву и уселась прямо на мокрый снег. Едва передвигая ноги, Хуршид обошел «Москвич».

Дверца самосвала распахнулась, из машины выпрыгнул испуганный молодой парень. Он подбежал к Хуршиду, громко стуча кирзовыми сапогами.

— Живы?— задыхаясь спросил он. Он с трудом переводил дух, и тоненькие усы над его губой вздрагивали.

Хуршид не ответил и начал осматривать свою машину. Дверцы «Москвича» прогнулись внутрь, боковое стекло было разбито вдребезги. Странно... Хуршид не испытывал сожаления. Он смотрел на машину и думал о том, что вся его жизнь покорежена точно так же, как вот эта машина.

А вокруг уже собирался народ. Хуршид поискал глазами жену, Назира стояла неподалеку, и какая-то старая женщина прикладывала к ее лбу снег.

На гомон и крик подоспел молодой инспектор и попросил зевак разойтись. Потом подошел к Хуршиду:

— Это ваша машина?

Хуршид кивнул.

— Вы счастливо отделались. Из такой аварии мало кто выходит живым. Чей самосвал?

— Мой,— дрожащим голосом отозвался парень.

— Как это произошло?

— Он ехал слишком медленно,— начал объяснять парень.— Я хотел обогнать, а навстречу вдруг выскочила «Волга».

— Он разбил нашу машину, пусть теперь заплатит,— услышал Хуршид голос жены.

Назира стояла рядом, слезы уже высохли на ее глазах.

— Конечно, заплатит,— сказал инспектор, рассматривая документы парня.— Подадите в суд, с него взыщут.

Вдруг откуда-то появилась старушка в черной бархатной безрукавке поверх длинного платья и кинулась к шоферу:

— Сыночек, сыночек!— кричала она. Потом, повернувшись к инспектору, рыдая схватила его за руку:— Простите нас, ради бога, простите нас. ведь он у меня один!

Хуршид не понимал, о чем говорят люди, откуда взялась это сухонькая старушка в черной бархатной безрукавке, до боли напомнившая Хуршиду его родную мать.

Сердце его захолонуло: это старая женщина, кажется, мать

парня-шофера. Хуршид приблизился к ней.

— Не нужно просить, мать, никто ничего плохого вашему сыну не сделает.

— Господи, дай бог счастья вашим деткам,— радостно вздохнула старуха и обняла Хуршида.

— Не хотелось ведь ехать,— сказал шофер.— Стоит только мужчине послушать бабу...— и он грубо выругался.— Жена привязалась — привези да привези маму. Мама к сестре уезжала. А моя соскучилась, понимаешь, по свекрови не может без нее жить.

Хуршид улыбнулся. Ему вдруг стал симпатичен и этот ругающий жену шофер и сама жена — соскучившаяся, беспокоившаяся о свекрови.

— Будете подавать в суд?— спросил инспектор, составляя протокол при свете фонаря.

Хуршид молча посмотрел на Назиру.

— Это еще зачем?— сказал он.— Мы здесь сами договоримся. Мало ли что в жизни бывает...

Инспектор пожал плечами. Старушка улыбнулась Хуршиду.

Перевод П. Владимировой, А. Атакузиева